

**Дмитрий Юрьевич
ПОЛДНИКОВ,**
профессор Департамента
теории права и
сравнительного
правоведения
факультета права НИУ
ВШЭ (Москва),
доктор юридических наук
dpoldnikov@hse.ru
123022, Россия,
г. Москва, Большой
Трехсвятительский пер., 3

Преодоление «колеи» традиционных ценностей в ходе модернизации правовой системы Японии

Аннотация. В международной науке сравнительного правоведения до сих пор преобладает идеологизированный американский взгляд на успешное общественное развитие только через институты, соответствующие западным стандартам верховенства права и правового государства. «Незападные» традиционные ценности и институты объявляются причиной стагнации азиатских и африканских обществ в XIX—XX вв. Между тем причинная обусловленность успешного экономического развития именно западными правовыми институтами до сих пор не доказана, а функциональный взгляд на право в социокультурном контексте позволяет по-новому объяснить факт (не)обращения населения «незападных» стран в органы правосудия. В данной статье на примере опыта правовой модернизации Японии рассмотрены разные научные подходы к объяснению того, почему большинство японцев отказывалось обращаться в суды до и после реставрации Мэйдзи 1868 г., но изменило свое поведение в конце XX в. В первой части статьи представлен так называемый «культурный тезис» как препятствие модернизации, во второй — рассмотрены альтернативные объяснения (недостатки правовой системы и роль политических элит), порожденные необходимостью объяснить «юридический поворот» в Японии 1990-х гг. Пример Японии показателен для понимания возможных препятствий реформам правосудия по западным моделям в «незападных» обществах, включая Россию.

Ключевые слова: верховенство права, азиатские ценности, функциональное сравнение, доверие к правосудию, модернизация, Япония.

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.97.9.036-045

DMITRY Yu. POLDNIKOV,

Professor at the Department
of legal theory and comparative law,

National research university "High School of Economics" (Moscow), Dr. Sci. (Law)

dpoldnikov@hse.ru

3, Bolshoy Trekhsvyatitsky per., Moscow, Russia, 123022

Overcoming Path Dependency of Traditional Values During the Modernization of Japan's Legal System

Abstract. *Comparative legal studies are still dominated by the ideological American view of successful social development only through institutions that correspond to Western standards of the rule of law. Non-Western traditional values and institutions are declared to be the cause of the stagnation of Asian and African societies in the 19th-20th centuries. Yet, the causal link between successful economic development and Western legal institutions is not clearly proven. A functional view of law in a socio-cultural context allows us to look differently at the fact of going or not going to courts in non-Western countries. This article builds on the experience of Japan's legal modernization to examine different academic approaches to explain why the majority of Japanese refused to go to court before and after the Meiji Restoration of 1868, but changed their behavior at the turn of the 21st century. The first part of the article presents the so-called "cultural thesis" as an explanation of the main obstacle to modernization, the second part introduces alternative explanations (defects of the legal system and the role of political elites), generated by the need to explain the "legal turn" in Japan in the 1990s. The example of Japan is significant for understanding the possible obstacles to reforms of justice according to Western models in non-Western societies, including Russia.*

Keywords: *rule of law, Asian values, functional comparison, trust in justice, modernization, Japan.*

Обострение геополитической обстановки в 2022 г. стало еще одним проявлением столкновения цивилизаций, в котором особое значение приобретает спор о ценностях и основополагающих принципах правовых систем. В англоязычном сравнительном правоведении до сих пор преобладал идеологизированный взгляд на оценку институтов права и их роль в развитии обществ. Наиболее последовательное выражение он нашел в американском неолиберализме. Частью так называемого «вашингтонского консенсуса» второй половины XX в. является тезис об устойчивой связи между стабильным ростом благосостояния населения и рыночной экономикой, либеральной демократией, правовыми институтами.

Данная идеология по-прежнему служит руководством к действию крупнейших международных финансовых институтов (Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития

и др.), частных фондов (Форда, Сороса и др.), находит отражение в документах о международном сотрудничестве (например, в Декларации ООН 1986 г. о праве на развитие). Она же вдохновила немало научных исследований американских политологов и культурологов (Сэмюэля Хантингтона, Фрэнсиса Фукуяму, Рональда Инглхарта и др.), экономистов (Дугласа Норта, Джеймса Уоллиса, Тимура Курана и др.), историков (Уильяма Мак Нейла, Иммануила Валлерстайна и др.) и, конечно, правоведов.

Важнейшую роль в объяснении status quo играет культурный подход к пониманию зависимости развития общества от его системы ценностей. Многолетнее эмпирическое исследование эволюции культурных ценностей под руководством Рональда Инглхарта указывает на крайне медленное изменение традиционных ценностей «выживания» в неблагоприятных обществах¹. Именно традиционные «незападные» ценности порой объявляются причиной модернизации. Следуя такой логике, страны с «незападными» культурными ценностями обречены на вечное «догоняющее развитие», рентное мышление и «культурную колею» неправовых режимов. Однако данный вывод не следует из исторических данных и функционального взгляда на право в социокультурном контексте².

При таком подходе ключевым критерием сравнения роли права в жизни общества становится (не)обращение населения в суды, указывающее на (не)доверие к правосудию. Решение споров во внесудебном порядке (путем переговоров или арбитража) следует считать проявлением недоверия к органам правосудия, тогда как рост обращений в суды, напротив, указывает на рост доверия, возможно, связанный с качеством правосудия.

Особый интерес для понимания российского пути правовой модернизации представляет история правосудия в Восточной Азии. Расположенные здесь страны до XX в. развивались в рамках конфуцианской культурной традиции, которая, согласно общему мнению западных ученых, отводила праву роль карающего меча и инструмента управления в руках монарха и высших сановников, а значит, «отваживала» население от обращения в суды и не способствовала росту авторитета права.

Учитывая ограниченные рамки статьи, я сделаю акцент только на смене научных подходов к изучению опыта Японии. Несмотря на пропасть культурных и социальных различий с Россией, повод к сравнению дает уже тот факт, что Япония встала на путь модернизации правовой системы одновременно с судебной реформой царя Александра II и, подобно России, прошла через тернии авторитарного правления, отторжения правовых институтов, споров «западников» с «традиционалистами», расхождения «права в книгах» с «правом в жизни», но все же к концу XX в. создала систему права и правосудия, заслужившие доверие большинства населения. Действительно ли для этого потребовалось отказаться от традиционных ценностей?

¹ Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатина. М.: Мысль, 2018.

² О применении функционального подхода в истории права см.: Полдников Д. Ю. Модели применения функционального метода в сравнительной истории права стран Европы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 56—77.

1. Культурный тезис в объяснении дальневосточного права

Как показали исследования антропологов и культурологов, в Китайской империи и странах в сфере ее культурного и политического влияния сложилось особое правосознание, кардинально отличное от европейских обществ. Европейцы под влиянием этики христианства развили культуру вины, которая предполагает индивидуальное, внутреннее убеждение в греховности деяния и раскаяние в нем. В дальневосточной культуре ключевую роль приобрел *стыд*, или «потеря лица», т.е. реакция члена общества на критику окружающих за невыполнение долга (кит. *ли*, яп. *гири*) индивида перед группой, сообществом³.

Такие правила поведения не предполагают какого-либо определенного правоотношения, четко выраженных субъективных прав и обязанностей, но эффективно регулируют поведение членов общества благодаря общественному осуждению или поощрению. Позитивному праву отведена роль одного из средств социального контроля, а суды чиновников рассматривают лишь те конфликты, из которых не удалось выйти благодаря посредничеству или арбитражу глав семей, кланов, профессиональных корпораций и связанных с ними групп.

С конца XIX в. страны Восточной Азии одна за другой встали на путь модернизации своей правовой системы по образцам ведущих западных держав, с большим или меньшим эффектом. Наиболее ранним и успешным считается опыт Японии после реставрации Мэйдзи 1868 г., когда перед лицом колониальной экспансии европейских держав и США правящие круги отказались от военно-феодалного строя сёгуната Токугавы (1603—1868 гг.) и сделали выбор в пользу создания современной правовой системы по образцу Франции и Германии. В короткие сроки благодаря сравнительному законодательству было кодифицировано национальное право. Местные обычаи и нравы изучались комиссией, особенно при составлении Гражданского кодекса 1896 г., но в итоге не нашли значительного отражения в статьях закона (за исключением института патриархальной семьи, *иэ*).

Наряду с законодательством, были созданы и прочие элементы западной правовой системы: национальные органы публичной власти и правосудия, юридическое образование и др. В начале XX в. взгляд на японское право как часть романо-германской правовой семьи выразил профессор гражданского права университета Токио Нобусигэ Ходзуми⁴.

По его словам, в интересах перспективного развития японского законодательства необходимо заимствовать немецкое правовое развитие. Однако опыт показал, что эти институты долгое время оставались невостребованными большей частью населения. Сторонники трактовки права как отражения культуры объясняли данный феномен сохранением особого, «конфуцианского» менталитета и культурных ценностей.

Концепция традиционных дальневосточных ценностей, включающих социальную гармонию, коллективизм, приоритет общественного блага перед личным,

³ Одной из первых эту разницу подчеркнула американский этнограф Руфь Бенедикт применительно к японскому обществу («Хризантема и меч», 1946).

⁴ Hozumi N. Lectures on the New Japanese Civil Code as Materials for the Study of Comparative Jurisprudence. Tokyo : Maruzen Kabushiki-Kaisha, 1904. P. 19.

почтительное отношение к властям и родителям, акцент на экономическом благополучии, а не на политических правах, набирала популярность среди политических лидеров стран Восточной Азии второй половины XX в.⁵ и даже привела к принятию Бангкокской декларации 1993 г., ставящей под сомнение совместимость «азиатских ценностей» со Всеобщей декларацией прав человека 1948 г.

Значимость традиционных ценностей в условиях модернизации подтвердили идеологи реставрации Мэйдзи, сторонники авторитарного режима императора Хирохито (1926—1945 гг.), а также лидеры Либерально-демократической партии Японии после 1955 г. С учетом роли императора, семьи и приоритета общественного перед частным следовало толковать и реализовывать положения составленной при активном участии американских консультантов Конституции Японии 1947 г., и прежде всего закрепленную в ней идею основных прав личности и их приоритетной защиты от посягательств государственных органов⁶.

Акцент на традиции в политическом дискурсе, вероятно, объясняет, почему многие известные ученые-компаративисты придавали ей столь важное значение. Ведущими сторонниками ее обусловленности конфуцианским наследием стали профессор Кавашима и Нода. По мнению Такэёши Кавашимы, японское общество осуждает любое нарушение социальной гармонии (*ва*), в том числе обращение в суд⁷. Традиционный взгляд на право подобен отношению к фамильному самурайскому мечу: меч и право являются предметом поклонения, но не средством решения конфликтов.

Ёшиюки Нода подчеркнул значение неформальной системы предписаний о моральном долге (*гипу*), сопоставимой с обычаями в истории народов Европы. Она препятствует возникновению и действию целостной системы (субъективных) прав и обязанностей, но не исключает формальных правил поведения и принуждения к их исполнению. В Японии 1970-х гг. система *гипу* продолжала существовать наряду с правовой системой, хотя едва ли поддавалась четкому выражению⁸.

Зарубежные авторы поддержали «культурологическое» объяснение. По мнению американского ученого Дэна Хендерсона, у японцев «есть явно выраженная тенденция избегать судебных споров, а также добиваться решения конфликта неформально»⁹. В научной литературе XX в. аналогичную характеристику правосознания и его объяснения несложно найти в отношении других стран Дальнего Востока. Подобные работы оказали определяющее влияние на образ права стран Восточной Азии в стандартных учебниках по сравнительному правоведению

⁵ См., например, анализ позиции премьер-министра Сингапура: *Barr M. D. Lee Kuan Yew and the "Asian values" debate // Asian Studies Review. 2000. No. 24 (3). P. 309—334.*

⁶ *Matsui S. Fundamental Human Rights and "Traditional Japanese Values": Constitutional Amendment and Vision of the Japanese Society // Asian Journal of Comparative Law. 2018. No. 13 (1). P. 74.*

⁷ *Kawashima T. Dispute resolution in contemporary Japan (1963) // Law in Japan. Harvard University Press, 2013. P. 41—72.*

⁸ О роли *гипу* при решении конфликтов см.: *Noda Y. Introduction to Japanese law. University of Tokyo Press, 1976. P. 174—183.*

⁹ *Henderson D. F. Conciliation and Japanese Law: Tokugawa and Modern. 2 Vols. University of Washington Press, 1965.*

француза Р. Давида, немцев К. Цвайгерта и Х. Кётца, канадца П. Гленна¹⁰. Даже в третьем издании учебника в середине 1990-х гг. Х. Кётц утверждал, что «японцы упорно придерживаются своих древних практик, несмотря на все изменения в их жизни»¹¹.

2. Юридический поворот и альтернативные объяснения

Между тем проведение эмпирических исследований наиболее динамичных обществ Восточной Азии явно свидетельствует о «юридическом повороте» по мере завершения XX в. Одним из его несомненных проявлений является неуклонный рост числа судебных дел. По статистике за 2008 г. в Корее на 49 млн жителей зафиксировано 6,4 млн дел, инициированных частными лицами, каждый восьмой кореец выступал фигурантом того или иного судебного процесса, а каждый третий хотя бы раз подавал в суд документы или был в них упомянут¹².

Японские суды по-прежнему рассматривают значительно меньше дел, чем корейские или тайваньские: всего 550 тыс. в 2008 г., или менее 10 % по сравнению с Южной Кореей¹³. Однако данные опросов общественного мнения и судебная статистика подтверждают, что судебное решение споров становится все более приемлемым по сравнению с медиацией. Данные опросов участников гражданских тяжб в 2000 и 2005 гг. показывают, что в суды и к адвокатам обращаются прежде всего те, кто ранее уже пользовался их услугами или знал адвоката благодаря личным связям¹⁴.

Особенно примечателен рост числа обращений в высшие судебные инстанции за защитой нарушенных конституционных прав. На Тайване и в Южной Корее этот рост отмечен с конца 1980-х гг. с началом либерализации авторитарных режимов¹⁵. В Японии число споров, касающихся прав человека, по-прежнему невелико, но с 1990-х гг. исследователи отмечают все более активную роль Верховного суда (даже судейский активизм) в выведении из положений Конституции позитивных обязанностей государства защищать права человека в ответ на запросы общества¹⁶. В Южной Корее, начиная с 1990-х гг., истцы, как правило, добивались

¹⁰ Glenn H. P. Legal traditions of the world: Sustainable diversity in law. 5th ed. Oxford University Press, 2014. P. 319.

¹¹ Zweigert K., Kötz H. Introduction to comparative law / translated into English by T. Weir. 3th ed. Oxford : Clarendon press, 1998. P. 300—302.

¹² Black E. A., Bell G. F. (eds.) Law and legal institutions of Asia: Traditions, adaptations and innovations. Cambridge university press, 2011. P. 176.

¹³ Данные о числе рассмотренных дел в Верховном суде Японии и Кореи // URL: <http://www.courts.go.jp/english/> ; URL: <http://eng.scourt.go.kr/eng/main/main.work>.

¹⁴ Vanoverbeke D., Maesschalck J., Nelken D. (eds.). The changing role of law in Japan: empirical studies in culture, society and policy making. Edward Elgar Publishing, 2014. P. 151.

¹⁵ Peerenboom R., Chen W. Development of Rule of Law: A Comparison of Taiwan and China // Gilley B., Diamond L. J. (eds.). Political change in China: comparisons with Taiwan. Lynne Rienner Publishers, 2008. P. 143.

¹⁶ Vanoverbeke D., Maesschalck J., Nelken D. (eds.). Op. cit. P. 173.

рассмотрения своего дела во всех судебных инстанциях, вплоть до Верховного суда. В результате в 2008 г. на каждого из 13 судей приходилось по 2 625 дел¹⁷.

С ростом уровня благосостояния, образования и безопасности в Восточной Азии значение традиционных ценностей снижается. Такова общемировая тенденция по данным многолетних исследований международной команды социологов под руководством Рональда Инглхарта¹⁸. Особенно показательно для обществ Восточной Азии снижение значения традиционной семьи. Так, по данным опроса 2009 г., только 46 % южнокорейцев и 32 % японцев в возрасте от 20 до 40 лет заявили о готовности материально поддерживать своих престарелых родителей¹⁹. Подобные данные об изменениях в отношении к семейным и иным традиционным ценностям побуждают исследователей искать альтернативные объяснения как уклонению от правосудия, так и «юридическому повороту» конца XX в. Среди наиболее распространенных гипотез — недостатки правовой системы и роль политических элит.

Еще в 1978 г. американский ученый Джон Хэйли решительно высказался против культурно обусловленной бесконфликтности японцев как необоснованного мифа²⁰. По его убеждению, низкое число обращений в суды Японии, по сравнению с США, следует объяснять недостатками судебной системы. Японцы не обращаются в суды, поскольку судебное разбирательство чревато высокими издержками, неэффективно, не дает нужного исхода. К тому же крайне ограничено число адвокатов. Закрытость их сообщества позволяет поддерживать высокие расценки на свои услуги. Все это вынуждает потенциальных истцов обращаться к альтернативным способам решения спора. Аналогичным образом высокие расходы на адвокатов в Корее и Тайване были связаны с крайне строгими правилами адвокатского экзамена, который в конце 1980-х гг. сдавали лишь 1—2 % претендентов²¹.

Тезис Дж. Хейли во многом подтвердили перемены начала 2000-х гг., когда благодаря реформе юридического образования, увеличению численности адвокатского сообщества, повышению профессионализма судей не только в Японии, но и в Корее и на Тайване правосудие стало более доступным, а число обращений в суды выросло²².

Не менее вескую причину недоверия системе правосудия в странах Восточной Азии выявили в 1980-е гг. Франк Уфам и Сетсуо Миядзава²³. По их мнению, недостатки судебной системы складываются не из-за особого мировоззрения населения или исторической случайности, но в результате целенаправленной политики правящих элит.

¹⁷ Black E. A., Bell G. F. (eds.). Op. cit. P. 176.

¹⁸ Инглхарт Р. Указ. соч. С. 72.

¹⁹ Kischel U. Comparative law. Oxford University Press, 2019. P. 745.

²⁰ Haley J. O. The myth of the reluctant litigant // Journal of Japanese Studies. 1978. No. (2). P. 359—390.

²¹ Peerenboom R. Chen W. Op. cit. P. 141.

²² Vanoverbeke D., Maesschalck J., Nelken D. (eds.). Op. cit. P. 157.

²³ Upham F. K. Law and Social Change in Postwar Japan. Harvard University Press, Cambridge Mass, 1987.

Пожалуй, лучшей иллюстрацией из периода до модернизации права Восточной Азии является заявление китайского императора Канси (1654—1722 гг.): «Я желаю, чтобы с теми, кто пришел в суд, обращались без всякой жалости таким образом, чтобы они испытали глубочайшее отвращение к праву и страшились предстать перед чиновником»²⁴. Судя по наблюдениям европейских путешественников, чиновники поздней Китайской империи вполне следовали такой политике. Австрийский путешественник Эрнст фон Гессе-Вартег писал в 1898 г.: «Бесконечный страх китайцев перед судом вызван действиями мандаринов, продажностью и небрежностью чиновников и жестокостью пыток и наказаний. Вот почему китайцы решают прибегать к суду лишь в самых крайних случаях. Можно подумать, что все судопроизводство с умыслом поставлено так, чтобы заставить китайцев предпочитать мириться между собой добровольно»²⁵.

Подход Ф. Уфама позволяет глубже понять настойчивое обращение к традиционным ценностям авторитарных азиатских лидеров второй половины XX в. Так, позиция Либерально-демократической партии Японии объясняется не столько ностальгией по «золотому веку гармонии», сколько стремлением подчинить права человека интересам эффективного государственного управления вопреки западным правовым ценностям, заложенным в Конституцию 1947 г. Следуя такой политике, Верховный суд Японии неоднократно отказывался рассматривать обращения о нарушении прав человека как «политические вопросы», а также признавал конституционными значительные ограничения прав человека, ведь ст. 13 Конституции признает «право на жизнь, свободу и на стремление к счастью, поскольку это не нарушает общественного благосостояния».

В то же время «юридический поворот» 1990-х гг. в Японии и некоторых других странах Восточной Азии убедительно показал, что «азиатские ценности» сами по себе не являются непреодолимым препятствием для реорганизации правовой системы путем заимствования институтов западного происхождения, а также для формирования органов правосудия, которым население доверяет и пользуется. Этот вывод особенно важен для изучения российского опыта правовых реформ с XIX до XXI в., который отечественные и зарубежные ученые нередко рассматривают через призму правового нигилизма, якобы унаследованного россиянами из советского прошлого, либо через приверженность «незападным» традиционным ценностям²⁶.

Между тем конкретные социолого-правовые исследования, скорее, указывают на прагматичное отношение россиян к праву и правосудию: они чаще обращаются в суды в тех случаях, когда ожидают предсказуемого и полезного для себя исхода разбирательства и воздерживаются от обращения в суды, прежде всего из-за высокой стоимости услуг юристов и адвокатов, затянутых процессов, невыполнения

²⁴ Цит. по: McAleavy H. Chinese law // Derrett J. (ed.) An introduction to legal systems. London : Sweet & Maxwell, 1968. P. 115.

²⁵ Цит. по: Малявин В. В. Китайская цивилизация. М. : Аст, 2000. С. 140.

²⁶ В частности, индикаторы верховенства права и всемирное исследование ценностей по-прежнему помещают Россию гораздо ближе к обществам восточного, а не западного типа (т.е. на позицию 94 из 128 стран и на медиану ценностей традиционного и пост-индустриального обществ). См. об этом: Инглхарт Р. Указ. соч. С. 75.

решений судов, необъективности или непрофессионализма судей²⁷. В этом смысле россияне такие же прагматики или реалисты, как и японцы, а значит, «юридический поворот» в нашей стране возможен, несмотря на прежнюю «колею».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатина. — М. : Мысль, 2018.
2. *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Российские суды — трудности развития // Социологические исследования. — 2014. — № 5.
3. *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. — М. : Аст, 2000.
4. *Полдников Д. Ю.* Модели применения функционального метода в сравнительной истории права стран Европы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 56—77.
5. *Фогельсон Ю. Б.* Модель российского homo legalis и устойчивость порядка, основанного на верховенстве права // Труды Института государства и права РАН. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 81—108.
6. *Barr M. D.* Lee Kuan Yew and the “Asian values” debate // Asian Studies Review. — 2000. — No. 24 (3). — P. 309—334.
7. *Black E. A., Bell G. F. (eds.)* Law and legal institutions of Asia: Traditions, adaptations and innovations. — Cambridge university press, 2011.
8. *Glenn H. P.* Legal traditions of the world: Sustainable diversity in law. — 5th ed. — Oxford University Press, 2014.
9. *Haley J. O.* The myth of the reluctant litigant // Journal of Japanese Studies. — 1978. — No. (2). — P. 359—390.
10. *Henderson D. F.* Conciliation and Japanese Law: Tokugawa and Modern : 2 Vols. — University of Washington Press, 1965.
11. *Hozumi N.* Lectures on the New Japanese Civil Code as Materials for the Study of Comparative Jurisprudence. — Tokyo : Maruzen Kabushiki-Kaisha, 1904.
12. *Kawashima T.* Dispute resolution in contemporary Japan (1963) // Law in Japan. — Harvard University Press, 2013. — P. 41—72.
13. *Kischel U.* Comparative law. — Oxford University Press, 2019.
14. *Matsui S.* Fundamental Human Rights and “Traditional Japanese Values”: Constitutional Amendment and Vision of the Japanese Society // Asian Journal of Comparative Law. — 2018. — No. 13 (1).
15. *McAleavy H.* Chinese law // Derrett J. (ed.) An introduction to legal systems. — London : Sweet & Maxwell, 1968.
16. *Noda Y.* Introduction to Japanese law. — University of Tokyo Press, 1976.

²⁷ *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Российские суды — трудности развития // Социологические исследования. 2014. № 5. 2014. С. 78.

О прагматизме россиян см.: *Фогельсон Ю. Б.* Модель российского homo legalis и устойчивость порядка, основанного на верховенстве права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 4. С. 81—108.

17. *Peerenboom R., Chen W.* Development of Rule of Law: A Comparison of Taiwan and China // Gilley B., Diamond L. J. (eds.). Political change in China: comparisons with Taiwan. — Lynne Rienner Publishers, 2008.
18. *Upham F. K.* Law and Social Change in Postwar Japan. — Harvard University Press, Cambridge Mass., 1987.
19. *Vanoverbeke D., Maesschalck J., Nelken D.* (eds.). The changing role of law in Japan: empirical studies in culture, society and policy making. — Edward Elgar Publishing, 2014.
20. *Zweigert K., Kötz H.* Introduction to comparative law / translated into English by T. Weir. — 3th ed. — Oxford : Clarendon press, 1998.

